

Егорова Т.В.,

к. ф. н. профессор Алматинского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: 2009.egor@mail.ru

**ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ
«ВНЕШНЕГО» ОБРАЗА СТРАНЫ
(на материале языка московской Руси XVI века)**

Статья посвящена исследованию языковой ситуации в Московии, отличающейся в XVI веке сложностью и противоречивостью. В статье проведен анализ состояния языка в связи с историей государства, его культурой и особенностями межкультурной коммуникации народа – носителя этого языка в транзитивный период развития России. В результате изучения точек зрения славянских и западноевропейских ученых, взглядов иностранных наблюдателей, материала ранних букварей и грамматик делается вывод о том, что на протяжении всего XVI века язык Московии не обладал внутренним единством и монолитностью, что выражалось в существовании нескольких ипостасей русского языка, находящихся в отношениях дополнительности и взаимосвязанности, а нередко и совмещенности. Доказывается, что в течение столетия такие нечеткие, алогичные отношения разных форм языка оказывали существенное влияние на формирование потенциального образа собственно русского языка и русского народа во внешнем мире. Утверждается, что понимание лингвистических и экстралингвистических факторов речевой ситуации внутри страны, учет взгляда со стороны может давать в достаточной степени адекватное и объективное представление о соответствующем народе.

Ключевые слова: языковая ситуация, внешняя лингвистика, церковнославянский язык, древнерусский язык, язык москвитов, проста мова, второе южнославянское влияние.

Yegorova T.V.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: 2009.egor@mail.ru

**Language as a means of creating an «external» image of the country
(based on the language of Moscow Russia of the XVI century)**

The article is devoted to the language situation in Muscovy, which was characterized in the XVI century by complexity and contradictions. The author of the article has conducted the analysis of language in connection with history of the state, its culture and peculiarities of intercultural communication of people as native speakers in the transitional period of Russia's development. As a result of the study of the Slavic and Western European scientists opinions, views of foreign observers, the material of the early ABCs and grammars, the conclusion is drawn that throughout the XVI century the language of Muscovy did not possess the internal unity and monolithicity (consolidation), which was reflected in the existence of several hypostases of the Russian language, being in the relationship of complementarity, interconnection and sometimes of combination. It is proved that for a century such fuzzy, illogical relations of different forms of language had a significant influence on the formation of the potential image of the actual Russian language and the Russian people in the outside world. It is argued that understanding of the linguistic and extra-linguistic factors of speech situation inside the country, taking into account the view from the side can give a sufficiently adequate and objective overview of the relevant people.

Key words: language situation, external linguistics, old Church Slavonic language, old Russian language, the language of the Muscovites, simple moва, the second South Slavic influence.

Егорова Т.В.,

Санкт-Петербург гуманитарлық кәсіподақ университетінің
 Алматы филиалының профессоры, ф. ф. к., Қазақстан, Алматы қ.,
 e-mail: 2009.egor@mail.ru

Тіл елдің «сыртқы» бейнесін қалыптастыру құралы ретінде (XVI ғасырдағы мәсеулік Русь тілінің материалдары негізінде)

Мақала XVI ғасырда күрделілігімен және қарама-қайшылығымен ерекшеленетін Московиядағы тілдік ахуалды зерттеуге бағытталған. Бұл еңбекте Ресей дамуындағы транзитивтік кезеңдегі осы тілдің иеленушісінің мемлекеттің тарихымен, мәдениетпен және мәдениаралық қарым-қатынас ерекшеліктерімен байланысты орын алған тілдік жағдайға талдау жүргізілген. Славян және батыс еуропалық ғалымдардың көзқарастарын, шетелдік бақылаушылардың пікірін, сонымен қатар ең алғашқы әліппелер мен грамматика материалдарын зерттей отырып, XVI ғасыр бойы қолданылған Московия тілі ішкі тұтастық пен бүтіндікке ие болмағандығы туралы нәтижеге шығарылады. Ол орыс тілінің бір-бірімен толықтыру және екіжақты байланыстағы, ал кейбір жағдайларда бірін-бірі алмастырушылық қарым-қатынаста болатын бірнеше түрде көрініс табады. Автор тарапынан бірнеше ғасыр ішінде тілдің әртүрлі формасындағы бұлғыр, логикаға бағынбайтын қарым-қатынастар орыс тілімен оның иеленушісі орыс халқының потенциалдық кейіпінің қалыптасуына елеулі ықпал жасағандығы дәлелденеді. Ел ішіндегі тілдік сөйлеу жағдайының лингвистикалық және экстралингвистикалық факторларын айқындау, сыртқы көзқарастарды есепке алу осы халық туралы нақты және жеңіл топтасатын ұғымды, көріністі бере алатындығына сендіреді.

Түйін сөздер: тілдік жағдай, сыртқы лингвистика, шіркеулік славян тілі, ежелгі орыс тілі, москвиттер тілі, проста мова, екінші оңтүстік славян ықпалы.

Введение

В филологической литературе последних лет ярко проявляется «лингвистический поворот», который означает перемещение центра исследований в область смежных с лингвистикой наук, таких как лингвострановедение, лингвокультурология, лингвоконцептология. Такой поворот обеспечивает выход лингвистики за пределы собственно лингвистических исследований, появление новых объектов во сфере интересов исследователей, возрастание роли языка как способа анализа внеязыковых процессов. Основой такой тенденции чаще всего считается идея Ф. де Соссюра, обоснованная в его известном труде «Курс общей лингвистики», о противопоставлении лингвистики другим гуманитарным наукам: этнографии, истории, антропологии, филологии и др. Дистанцируясь от филологии, Соссюр выделил и подробно охарактеризовал сферу так называемой «внешней лингвистики», куда он отнес «все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы или цивилизации», «между языком и политической историей», «все то, что имеет отношение к географическому распространению языков» (Sossyur, 1979). Как видим, в его концепции «внешняя лингвистика» понимается как анализ языка в непосредственной связи с историей государства, культурой народа, а собственно языковая система – как способ отражения внешнего мира

в самом общем и абстрактном виде. Безусловная актуальность таких подходов позволяет ставить вопрос о том, что язык как «документ» определенной исторической эпохи является главным средством формирования внешнего образа страны и источником разнообразных представлений о государстве и народе во внешнем мире.

Безусловно, что образ любого национально-го языка является неотъемлемым компонентом «внешнего» образа страны и народа – носителя этого языка. Привлекателен и интересен для лингвистического изучения в этом плане XVI век, который занимает особое место в истории русского языка. Большое количество научных работ, посвященных изучению языка этого периода, говорит о неослабевающем интересе к данной проблеме. Между тем, как показало основательное изучение филологических и культурологических изданий, характеристика языковой картины XVI века Московии все еще далека от своего завершения, что позволяет нам обратиться к анализу некоторых аспектов языковой ситуации в Московии XVI века, учитывающему как экстралингвистические, так и собственно лингвистические факторы формирования языковой картины данного переломного периода в истории России.

Известно, что XVI век – это век централизации государственной власти в Москве. К XVI веку путем поглощения удельных княжеств создается Московское государство, этнографиче-

ский состав которого пестр и разнороден, что, безусловно, влияет на языковую картину того времени. В языке этого нового государства в течение всего столетия активно проявляются областные диалектные различия (новгородские, рязанские, ростовские, суздальские, владимирские и др.), которые несколько сглаживаются только к XVII в. Несмотря на быстрый рост влияния общегосударственного языка Москвы, языка правительственных учреждений и официальных контактов с внешним миром, диалектные варианты русского языка еще долго признаются как равноценные.

На протяжении всего столетия идет процесс, объединяющий две главные тенденции, которые представляются, на первый взгляд, прямо противоположными, но на самом деле демонстрируют разные стороны единого исторического процесса. Первая тенденция связана с постепенной дифференциацией и разделением единого языкового пространства на языки, обслуживающие разные сферы общения (церковнославянский / русский). Вторая связана со становлением официального бытового языка, который формировался посредством объединения русского и церковнославянского начал на разных языковых уровнях: графическом, орфографическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Завершение этого процесса пришлось уже на XVIII век.

Кроме этого, для XVI века, времени явного укрепления русской государственности, характерен быстрый рост самосознания народа, который в тогдашних условиях Московии выражался в восторженном, даже панегирическом, отношении к своему, родному и зачастую негативном восприятии всего чужого. Это выражается и стремлением Московской Руси настойчиво убедить всех в своей принадлежности к христианскому миру и даже доказать исторически свое особое место в этом мире. Именно в XVI веке появляется идея о Москве как о третьем Риме. Отсюда обилие великокняжеских богатств, пышность церковного церемониала и особое внимание к состоянию христианства на Руси. Подобные идеи и настроения, безусловно, оказывали влияние на жизнь Московского двора в целом и на языковую ситуацию, в частности.

Таким образом, языковая ситуация в Московии в XVI веке была неоднородной и противоречивой, что не могло не отразиться на формировании представлений иностранцев о русском языке и русском народе.

Эксперимент

Образ народа, этноса во внешнем мире репрезентируется с помощью различных факторов политического, экономического, социального, культурного характера. Важным органичным маркером сущности представлений о народе (субъективности/объективности, сходства/несходства, позитивности/негативности, традиционности/оригинальности, консервативности/мобильности) является язык, его системная организация, история, место среди других языков мира, степень распространения за пределами страны и др. Русский язык в этом отношении ничем не отличается от других языков мира. Однако формирование его внешнего образа в XVI веке было осложнено, среди прочего, тем, что он исторически совмещал в себе четыре разновидности языка: 1) древнерусский язык; 2) церковнославянский язык; 3) проста мова юго-западно-русского культурно-религиозного пограничья; 4) язык Московии – собственно русский язык великорусской народности, ставший в XVIII–XX вв. в синтезе с церковнославянским языком основой русского литературного языка.

На протяжении всего века происходит непростой процесс становления русского языка на основе взаимовлияния, отторжения, совмещения, наложения элементов всех этих разнородных по своей сути форм языка. Кроме этого язык Московии постепенно вбирает в себя как областные языковые достижения, создавая разветвленные синонимические ряды и языковые варианты, так и разнообразные заимствования из переводов произведений западноевропейских литератур, сделанных по преимуществу в Новгороде, а также тюрко-татарские заимствования, которые успешно ассимилируются в языке Московского государства. В языке данного периода появляются новые фонетические и морфологические признаки, которые демонстрируют усиливающееся влияние южновеликорусского диалекта на складывающийся общий язык великорусской народности. Именно к этому времени относится, например, появление такой нормы, характерной и для современного русского языка, как аканье, пришедшей на смену оканью – фонетической особенности языка городов Северо-Восточной Руси (Ростова, Суздаля, Владимира). Происходит постепенная регламентация грамматики русского языка Москвы, которая представляется более строгой и консервативной по сравне-

нию, например, с языками Новгорода и Рязани, в которых более свободно проявляются местные особенности живой речи.

Весьма влиятельным, по понятным причинам, оказался в этот период церковнославянский язык. Как известно, он вплоть до XIV века был общим литургическим языком всего славянского пространства. Характерно, что Д.С. Лихачев продлевал эту «общность» до XVII века, считая, что до этого времени в русской книжной культуре не было национальных границ. «Существовала Единая литература (церковнославянский язык) у восточных славян, у болгар, у сербов, у румын. Основной фонд церковно-литературных памятников был общим», – пишет исследователь (Lihachev, 1979: 6). Не имеющий длительной богослужбной практики и устойчивой кодификации, церковнославянский язык в Московии в XVI веке активно развивается, о чем свидетельствует существование громадного фонда церковно-литературных памятников, девяти славянских словарей, грамматики церковнославянского языка. В это время церковнославянский язык претерпевает значительные изменения в результате проведения реформы, именуемой в лингвистике «вторым южнославянским влиянием», которое было описано академиком А.И. Соболевским как специфическое явление в языках православных славянских народов. Эти изменения во многом предопределили в XVI веке и в последующие века облик славяно-русской орфографии и русской книги. Как пишет Б.А. Успенский, второе южнославянское влияние – это реставрация церковнославянского языка русского извода по исходной модели южнославянского извода; византизации культуры. В итоге второе южнославянское влияние приводит к тому, что «греческое влияние сливается с южнославянским: одно переходит в другое» (Uspenskiy, 1994: 14).

Результатом проведения реформы стало, с одной стороны, такое расширение объема пришедшей со славянского юга литературы, что А.И. Соболевский говорит о почти двойном увеличении состава русской письменности (Sobolevskiy, 1903). При этом создается особая огласовка русских слов, формируется особый полууставной почерк, новые способы иллюстрирования книг. С другой стороны, в результате второго (а позднее и третьего) южнославянского влияния церковнославянский язык искусственно архаизируется, теряет свою общепонятность и слишком дистанцируется от русского языка.

Второе южнославянское влияние вызвало также решительный поворот к высокому книж-

но-риторическому, славянизированному стилю «плетения словес», который Д.С. Лихачев назвал «экспрессивно-эмоциональным». «Филологическое» внимание к слову, «извитие» слов, обыгрывание их фонетического подобия, виртуозное использование различных риторических приемов – таковы основные черты «плетения словес» (Lihachev, 1979: 302). В новом языке XVI века пополняются изобразительно-выразительные средства русского литературного языка. В.О. Ключевский, комментируя этот факт, указывает, что в «Житии Стефана Пермского» использовано для характеристики героя от 20 до 25 разных эпитетов (Klyuchevskiy, 1988: 234), чего не отмечалось в более ранних текстах. Новый язык должен был символизировать величие новой политической идеологии и исключительное положение Московского государства в религиозной сфере. Сначала такой язык получил распространение в церковной литературе (например, «Степенная книга царского родословия» митрополита Макария), постепенно в новом стиле оформляются, как указывают исследователи, тексты летописей (Воскресенской, Никоновской), пишутся публицистические и исторические произведения, как оригинальные, так и переводные (например, послания Ивана Грозного и князя Курбского, повести Смутного времени Московского государства и др.).

Восприятие иностранцами русского языка исследуемого периода осложнялось наличием в языковой картине еще одной формы русского языка – «простой мовы», которая складывалась в так называемом конфессионально-культурном пограничье и позднее развилась в украинский и белорусский языки. Значительная роль именно этого варианта русского языка связана с тем, что он отличался очевидной установкой на понятность и ориентацией на родство с народной речью. Юго-западнорусские переводчики священных текстов на «простумову» открыто говорили о своем желании сделать эти тексты доступными для тех, кто «языка славянского читаючи писмом рускимъ выкладу з слов его не разумеют» (Tolstoy, 1988: 114). Эта позиция более устраивала европейцев с их идеей новых европейских языков: такой язык лучше вписывался в языковую картину Европы того времени, в которой не находили поддержки идеи восприятия языка Московии как собственно русского языка. Простая мова зачастую выступала в роли образца собственно русского языка. При этом самим своим фактом существования этот «русский язык» на территории, находившейся под

влиянием Литвы и Польши, усиливал негативное отношение в Западной Европе к церковнославянскому языку, который противопоставлялся простой мове и оценивался как неправильный и народу непонятный.

Добавим к этому, что образ русского языка складывался на общем фоне западноевропейского представления о славянах как о языковой и этнической общности. Появившись в эпоху Средневековья, эти представления в XV-XVI вв. проявляли себя и в ранних букварях и грамматиках, которые в своих предисловиях обычно указывали на эту общность. Свидетельствовали о такой общности и сами славянские ученые. Например, польский ученый Мартин Бельский писал в 1550 году в «Хронике всего света»: «Думаю, что между нами нет такого дурака, который считал бы речь русскую, московскую, сербскую, чешскую другою, чем нашу польскую: она одна, и после общего разделения изменились в ней кое-где слова». Нетрудно, однако, заметить, что в этом высказывании явно разъединены такие виды общеславянской речи, как «русская» и «московская», хотя многие ученые тогда полагали, что все славяне, в том числе и «грозные и дикие московиты», общаются на одном языке, имеющем разные диалекты (Miloslavskaya, 2008: 138).

Таким образом, языковая ситуация в московской Руси в XVI веке не отличалась единообразием и четкой структурированностью, что оказывало существенное влияние на формирование внешнего образа собственно русского языка и русского народа.

Одним из важных источников формирования представлений и мнений о другой стране можно считать и непосредственные контакты (дипломатические, гостевые, деловые, личные) иностранцев с носителями языка посещаемой страны, которые рассматриваются не только как один из способов создания внешнего образа страны, но и как возможность корректировки предварительных представлений об этой стране. В процессе посещения эти представления могут подтверждаться, частично меняться или опровергаться.

Известно, что XVI век – это время многочисленных посещений Московской Руси иностранцами, в результате которых складывается загадочный и противоречивый образ русских людей. Посещающие Москву дипломаты, купцы, ученые наблюдают большое количество физических, общественных, нравственных особенностей мира русских, поэтому признать их «свои-

ми» они явно затрудняются. Языковая ситуация того времени также удивляет иностранных посетителей своей неоднозначностью. Нельзя не заметить, что у всех посетителей Московии, писавших о русском языке, отчетливо звучит мысль о неразличении славянского и русского языков, т.е. церковнославянский язык считается родным языком русских. Такое стабильное отождествление книжно-письменного и разговорного языка Московии характеризует высказывания многих иностранных наблюдателей в XVI веке. Как известно, первым из иностранцев осознает и фиксирует церковнославянское и русское двуязычие немецкий лингвист Г.В. Лудольф в конце XVII века. А для XVI века останутся характерными представления, отраженные в труде Джильса Флетчера «О Государстве Русском»: «Язык у них (москвитов) одинаковый со славянским, который, как полагают, скорей происходит от русского, нежели русский от славянского. Русские буквы или письма суть греческие, только отчасти переименованы» (Fletcher, 2002: 77). Причин такого неразличения много. Одна из них заключается в том, что большинство посетителей Москвы в XVI веке не вступает в бытовое живое общение с простыми людьми, а язык жителей Московии они наблюдают и оценивают в основном в церкви, поскольку иностранцев в то время более всего привлекают богослужебные православные обряды. Во всяком случае, почти все иностранные записки о Московии включают описание и комментирование русских богослужений. И язык церковной службы зачастую описывается неоднозначно: то как собственно русский язык, то как родной язык москвитов. Например, в записках 1553 года английского капитана Ричарда Ченслора читаем: «В церквях читают на родном языке «Ветхий» и «Новый завет». При этом сам капитан замечает странную особенность: «Когда священники читают, то в чтении их столько странностей, что их никто не понимает...» (Miloslavskaya, 2008: 180). Объяснений этому факту капитан Ченслор не приводит.

Особенностью XVI века является и активное вхождение в политическую жизнь московского государства торговых людей, которые строят с москвитами свой диалог, отличающийся, во-первых, практическим и деловым характером, во-вторых, непосредственным, личностным началом, а в-третьих, взаимной заинтересованностью как в торговых, так и в языковых контактах. Подтверждение этому находим в интересней-

ших источниках этих контактов – рукописных учебниках русского языка, предназначенных для иностранных торговых людей. Например, достоверно характеризует языковую ситуацию этого времени «Книга русского языка» (автором предположительно является немец Томас Шрове), в предисловии к которой на немецком языке пишется: «Я зовусь русская книга. В немецкой земле совсем неизвестна. Тому, кто меня написал, подай, Господи, радостную жизнь и смерть. Аминь. Помоги Боже тому, к чему я приступаю, чтобы довести ее до благополучного конца» (Aleksiev, 1951: 107). Традиционно слова в книге расположены по темам: сначала лексемы, касающиеся религиозно-церковной тематики, затем человека, родства, состояний, власти, устройства дома, хозяйства; далее следуют слова более конкретной семантики: обозначения оружия, одежды, весов, мер, денежных единиц; христианские крестильные имена; завершают словарь лексемы, описывающие торговлю и ее деловую часть. Купеческие разговоры, представленные в учебнике довольно выразительно и лексически богато, носят вполне нейтральный обиходно-деловой характер и свидетельствуют о развитости русского языка того времени. Особую нагрузку в таких диалогах несут русские идиомы, пословицы и поговорки, снабженные немецкоязычным толкованием, например, Сиде криво, да суди прав» или Кому далось, тому терпеть»).

Другим свидетельством интереса иностранцев к русскому языку в это время может служить практическое пособие по русскому языку, ориентированное не на официальное, а на межличностное общение французских купцов и русских – «Словарь московитов» (1586 г.), автором которого является французский капитан Соваж и др. О лексическом богатстве и разнообразии русского языка XVI века свидетельствует Б.А. Ларин, открывший данный словарь и лингвистически интерпретировавший иностранную рукопись, где практически все слова французского языка находят свои лексические параллели в русском разговорном языке. Словарь, составленный самими купцами для практической надобности, включает большое количество слов торговой сферы деятельности, обозначающих предметы русского импорта и экспорта: воск, белая рыба, замша, корица, мускат, осетрина, перец, сахар, семга, семужина, сера, шафран и др. Широко представлена в словаре и актуальная для купеческой жизни развлекательная и досуговая лексика (Larin, 1948: 106).

Эти и многие другие учебники подобного плана представляют лингвокультурологическую ценность, под которой С.К. Милославская понимает следующее: а) опосредованную связь предъявляемой культурной информации с конкретным словом или словосочетанием изучаемого языка; б) не только описательный и объяснительный, но и повествовательный характер информации; в) соединение в этой информации «знания» и «мнения» и, следовательно, ее неverifiedируемость (Miloslavskaya, 2008: 164).

Результаты и обсуждение

Из проанализированного материала видно, что к концу XVI века во внешнем мирескладывается отрицательный образ русских – образ необразованности и безграмотности народа Московии. Для этого времени в целом характерно негативное отношение к церковнославянскому языку русского извода со стороны внешнего мира; религиозные деятели Запада говорят об отсталостисистемы образования в стране и неразвитости светской естественнонаучной и гуманитарной сфер деятельности. Среди причин такого отношения к русскому языку и русскому народу выделим несколько основополагающих, на наш взгляд.

К XVI веку появился, по словам Н.И. Толстого, «третий культурный макроареал в Европе, наряду с утвердившимся там романо-германским ареалом, где господствовала латынь и греко-византийским ареалом, где абсолютно преобладал греческий язык» (Tolstoy, 1988: 89). Церковнославянский язык, таким образом, оказался как сакральный язык в уязвимой позиции. Несмотря на то, что к XVI веку этот язык активно развивается, он в это время находится в состоянии обороны. Проблема достоинства языка переносится в идеологическую плоскость, ибо на протяжении этого и последующих веков приходилось защищать как лингвистические характеристики языка, так и само право на его бытование как языка религии, образования и культуры славянского пространства. Этому являются подтверждением слова польского ученого Петра Скарги: «Есть только два языка, греческий и латинский, которыми святая вера на всем свете распространяется»; «Со славянского языка никто и нигде ученым быть не может. Уже теперь почти никто его досконально не понимает. Ибо нет на свете нации, которая бы на нем, как в книгах написано, говорила, а своих правил и грам-

матик с толкованием для языка этого не имеется и быть не может» (Russkiy pervopechatnik, 2000: 90-91). Ясно, что в восприятии Западной Европы, связывающей идею культуры и образованности с двумя священными языками, другого образа и не могло сложиться.

Кроме этого, причина культурной отсталости видится и в ориентации образования русских на «родной» язык, на «одноязычность» образования москвитов. Немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий пишет: «Так как русские в своих училищах обучаются только читать и писать на своем русском и очень редко разве на славянском языке..., то ни один русский... ни слова не понимает ни по-гречески, ни по-латыни» (Miloslavskaya, 2008: 142). Ему вторит немец Матвей Шаум: «Невежество их до того простирается, что нет ни одного русского во всей земле..., который бы разумел хоть словцо по-латыни... или какой-нибудь другой язык иностранный» (Sluhovskiy, 1964: 183).

Необразованность западные наблюдатели пытаются объяснить также религиозными и политическими причинами, такими как нежелание церкви попасть под влияние латинского канона церковной службы и соображения московских государей, которые полагают, что «...подданные, пожалуй, наберутся в них (в знаниях) духа свободы да потом и восстанут...» (Sluhovskiy, 1964: 187).

Заключение

Таким образом, наши наблюдения дают основание полагать, что образ Московской Руси во внешнем мире в течение XVI века формировался во многом на основе представлений о языке, который вызывал интерес в связи с активизацией контактов на межличностном уровне, но в силу объективно сложившихся обстоятельств маркировался понятиями «непонятный», «неправильный», «ненаучный», «нецивилизованный». Настороженное и даже враждебное отношение к языку и культуре страны определялось такими факторами, как профессионально культурное иноязычие Московской Руси, неприятие церковнославянского языка в качестве языка культа и культуры русского народа, разделение самого славянского мира на непримиримые группы, направленность образования на один (родной) язык и др.

Очевидно, что тщательное исследование разных аспектов русского языка как в синхронном, так и в диахронном аспектах на основе данных лингвокультурологии позволяет определить степень и характер воздействия этого языка на образ России во внешнем мире. Изучение русского языка и сегодня остается не самым простым, но самым верным способом познания страны, ее государственного устройства, культуры, образования как самими носителями языка, так и иностранными исследователями.

Литература

- Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1979. – 360 с.
- Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). – М. 1994. М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
- Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV-XV веках. // Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. / Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 74 № 1. – СПб., 1903. – С. 40-48.
- Ключевский В.О. Курс русской истории // сочинения в 9-ти томах. – М.: Мысль, 1988. – Т. II. – 440 с.
- Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. – М.: Языки русской культуры, 1998. – Т. II. – 542 с.
- Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. – М.: Изд-во ГИРЯП, 2008. – 400 с.
- Флетчер Д. О государстве Русском. – М., 2002. – 190 с.
- Алексеев М.П. Книга русского языка (1546). Т. Шrove и ее автор // Памяти акад. Л.В. Щербы. Сборник статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – 323 с.
- Ларин Б.А. Парижский словарь москвитов / Перевод, исследование и комментарии Б.А. Ларина. – Рига: Издание ЛатГУ, 1948. – 212 с.
- Русский первопечатник. «Азбука» Ивана Федорова 1578 г. – М.: Сполохи, 2000. – 168 с.
- Слуховский М.И. Из истории книжной культуры России: старорусская книга в международных культурных связях. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

References

- Alekseev M.P. Knigarusskogoyazyika (1546). T. Shrove iceavtor [The book of the Russian language (1546). T. Shrove and its author]. Pamyati akad. L.V. Scherbyi. Sbornik statey. L.:Izd-vo LGU, 1951. 323p. (In Russian)
- Fletcher D. (2002) O gosudarstve Russkom [About the Russian state]. M., 2002. (In Russian) 190p.
- Klyuchevskiy V.O. (1988) Kurs russkoy istorii [The course of Russian history]. Sochineniya v 9-ti tomah. M.: Myisl, 1988. Vol. II. 440p. (In Russian)
- Larin B.A. (1948) Parizhskiy slovar moskovitov [Parisian Muscovite dictionary]. Perevod, issledovanie i kommentarii B.A. Larina. Riga: Izdanie LatGU, 1948. 212p. (In Russian)
- Lihachev D.S. (1979) Poetika drevnerusskoy literatury [The poetics of old Russian literature]. L.: Nauka, 1979. 360 p. (In Russian)
- Miloslavskaya S.K. (2008) Russkiy yazyk kakinostrannyiy v istorii stanovleniya evropeyskogo obraza Rossii. [The Russian language as a foreign language in the history of the European image of Russia]. M.: Izd-vo GIRYaP, 2008. 400p. (In Russian)
- Russkiy pervopechatnik. (2000) «Azбуka» Ivana Fedorova 1578 g [Russian first printer. The «ABC book» by Ivan Fedorov of 1578]. M.: Spolohi, 2000. 168p. (In Russian)
- Sluhovskiy M.I. (1964) Iz istorii knizhnoy kultury i Rossii: starorusskaya kniga v zarubezhnykh svyazyah [From the history of the book culture of Russia: old Russian book in the foreign relations]. M.: Prosveschenie, 1964. 244p. (In Russian)
- Sobolevskiy A.I. Yuzhnoslaviansko-evliyanienarusskuyupismennost v XIV-XV vekah [The South Slavic influence on the Russian writing in the nineteenth and twentieth centuries]. Perevodnaya literatura Moskovskoy Rusi XIV-XVII vv. Izvestiya otdeleniya russkogoyazykai slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. Vol. 74 No. 1. SPb., 1903. (In Russian) Pp.40-48.
- Sossyur F. (1979) Trudy ipoyazyikoznaniyu [Works on linguistics]. M.: Progress, 1977. 696 p. (In Russian)
- Tolstoy N.I. (1988) Izbrannyye trudy. Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya [Selected works. The Slavic literary and linguistic situation]. M.: Yazyki russkoy kultury, 1988. Vol. II. 542p. (In Russian)
- Uspenskiy B.A. (1994) Kratkiy ocherk istorii russkogoliteraturnogoyazyika (XI-XIX vv.) [Brief essay on the history of the Russian literary language (XI-XIX centuries)]. M.: Gnozis, 1994. 240p. (In Russian)